

Ю.С. Пивоваров

Русская политическая мысль как предпосылка русской политической науки

Русская политическая мысль – это социо-интеллектуальный феномен, имеющий достаточно четкие хронологические рамки, границы. Она “просыпается” в прологе XIX в. Позади столетие заимствований, ученичества, подражательства. Теперь уже все готово к зрелому творчеству. Да и эпоха велит. Корабль Просвещения потерпел крушение в штормах Французской революции. Наполеоновские войны, романтизм, историческая школа права, немецкая философия, консерватизм (Шатобриан), либерализм (Бенжамен Констан), социализм и т.д. - на все это необходимо было дать ответ. В свои права вступала новая эпоха – Современность (Modernity). Ренессансному восторгу и порыву, гносеологическому оптимизму и самоуверенности пришел конец. На смену им явились болезненная саморефлексия, иррационализм, пессимизм и новые утопии социальной гармонии.

А за плечами России был век Петра и Екатерины, век, расколовший Отечество на два “враждебных склада жизни” (В.О.Ключевский) - европеизированный, петербургско-имперско-дворянский, и старомосковский, традиционно-патриархальный. И этот раскол в большой мере определит судьбы страны. Русская политическая мысль просыпается, когда исторические часы указывают на “1812 год” (в широком смысле - и то, что к нему привело, и его последствия), который занес нас в Париж, произведя русского царя в “главу царей”. Но и - в недавнем прошлом пугачевщина и незнание того, что делать с крепостным правом.

Все это и многое другое, сойдясь в какой-то точке, стало причиной “большого взрыва” - рождения оригинальной и субстанциальной русской политической мысли.

Но и верхняя граница не менее значима и значительна. Национал-социалистическая революция в Германии, расцвет фашизма в Италии и салазаризма в Португалии, вот-вот разразится гражданская война в Испании, мировой экономический кризис и спасительный New Deal, энциклика Пия XI “Quadragesimo anno”, явившаяся поддержкой свободной рыночной экономики и критикой капитализма с социал-реформистских позиций. А в России - полная победа Сталина и его режима ... . Иллюзии развенчаны повсюду. Немецкий национализм, так радостно и бодро начинавшийся в “Замкнутом торговом государстве” Фихте логично завершается “Тотальным государством” К.Шмитта. Все продумано до юридических деталей. И палачи, засучив рукава, принялись за дело... - “Полмира в крови и в развалинах век” - Вместе с немецкими палачами выступили, реализуя собственные и заимствованные утопии, интенсивно создавшиеся более столетия, палачи русские, итальянские, испанские и пр., пр., пр. Конец первой трети XX столетия подвел кровавую черту, разделившую социальную историю нашего времени на эпоху “слова” и эпоху “дела”. Русская политическая мысль тоже “закругляется”. Последние великие её поколения (“бердяевское” и “евразийское”) уже высказались. Принципиальные вопросы сформулированы, принципиальные ответы получены. Разумеется, движение, развитие мысли не останавливается. Однако последовавшие десятилетия

субстанциально и тематически нового не принесли.

Разумеется, все это не означает, что в Древней Руси не думали. Что лишь насильственная прививка некоторых элементов европейской культуры побудила наших прадедов к философствованию, к гнозису. И поучившись около столетия, они вдруг заговорили собственным языком. Безусловно, и допетровская Русь мыслила. Мы являемся наследниками великой и великолепной интеллектуальной традиции русского православия – от митрополита Илариона до Симеона Полоцкого. Мы наследуем и определенные измерения византизма (модель симфонии, паламизм и т.д.). В нашем сознании, безусловно, навечно отпечатались и черты ордынства. Не в меньшей мере, чем Европа Русь вобрала в себя и общехристианские (т.е. поверх конфессиональных различий) идеи. В том числе эсхатологизм, хилиазм, учение о трех царствах (у нас - “Третий Рим”) и другие. Не стоит забывать и о языческом пласте русского сознания (как утверждают историки, весьма живучем).

Однако все это не привело к становлению субстанциальной интеллектуально-философской культуры и мысли (включая политическую). И не могло привести в рамках московско-допетровской цивилизации. Ей там попросту не было места.

Перефразируя известное выражение: рождение русской мысли было русским ответом на французскую политическую и английскую промышленную революции. А также, о чем отчасти уже говорилось, на революцию Петра, на революцию русского сознания XVIII в. и т.д. Рубеж восемнадцатого и девятнадцатого столетий был ознаменован вступлением России в Современность (Modernity). Это была, разумеется, Современность по-русски, или, другими словами, у России в пространстве Modernity было свое место.

* * *

Современная русская политическая мысль начинается с Николая Михайловича Карамзина. Точнее, с его «Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении». Это произведение для русских вполне сопоставимо с «Государем» Макиавелли для европейцев. Это первое политическое и о политике сочинение отечественного автора. Одновременно «Записка» есть начало и источник нашего консервативного мышления, сознания, традиции. Н.М. Карамзин утверждает, что единственно возможный для России политический строй – самодержавие (оно есть “палладиум России”). Само самодержавие понимается как “надклассовая”, надсословная сила, обеспечивающая движение русского общества вперед (движение вперед для Карамзина заключается по-преимуществу в нравственном совершенствовании народа). В ходе исторического процесса самодержавие становится все более мягким и “разумным” – оно постепенно переходит от “самовластия” к своеобразному варианту просвещенного абсолютизма. Своеобразие это состоит в патриархальном (“отеческом”) типе правления. Монарх руководствуется не юридическим законом, а действует по “единой совести”, воля самодержца – “живой закон”. Кроме того, в “Записке” содержатся и такие классические принципы (точнее – здесь они звучат впервые, “классикой” станут позднее) русского охранительного государственничества: “требуем более мудрости охранительной, нежели творческой”, “всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости”, “для твердости бытия государственного безопаснее поработать людей, нежели дать им не во время свободу”. Карамзин яркими красками рисует “идеальный тип” самодержавного

правления, образ русского властителя. Строгого и доброго отца, мудрого и осторожного водителя своих детей (народа), крепкого в православной вере и отстаивании заветов старины. – Впервые под русским пером рождается русский Государь, рождается портрет вечной Русской Власти, Власти–Константы. Лишь следование за ней, лишь сохранение ее, лишь борьба со всем тем, что представляет для нее угрозу обеспечивает русскому народу социальную безопасность и процветание. – Властная Норма создана. Отныне она будет разрабатываться русской мыслью – Уваровым, славянофилами. Кавелиным, Катковым, Леонтьевым, евразийцами, Ильиным и др. Отныне все участники русской политической игры будут соизмерять себя, свои действия, свои планы и программы с этой Normой.

Вместе с тем, создавая образ идеального самодержавия, Карамзин резко критикует самодержавие реальное. И самодержцев тоже. По сути дела он противопоставляет наличному, историческому самодержавию – идеальное. Зачем? Наверное, Николай Михайлович шел на это с определенным умыслом – с умыслом назидания, поучения. Как ни вспомнить здесь вновь, что именно в годы работы над “Запиской” Карамзин примеривается к роли “советника царей”, затем придут роли светского духовника членов императорской фамилии и даже некоего светского старца. Эти странные роли (особенно последняя) вовсе не странны в той культуре, которая окончательно сложилась в России на рубеже XVIII–XIX вв. Одной из ее особенностей было то, что в “общей диспозиции” церкви отводилось очень скромное место. И многие функции “алтаря” взяли на себя другие институты. Одним из таких институтов стала литература/мысль (я намеренно объединяю их, поскольку одно намертво связано с другим и питаются они общими соками) – “церковь” русской интеллигенции. Правда, в эпоху Карамзина “церковью” литература/мысль еще не была, в этом качестве она только созидалась. Расцвет же ее придется на вторую половину столетия. Но Карамзин приложил немало сил для ее строительства. Более того – он первый великий “старец” этой, им же творимой, “церкви”. Он первый русский литератор и мыслитель, присвоивший себе право поучать власть и общество. Вслед за ним явились другие “старцы”, другие “учителя” – Гоголь, Достоевский, Толстой. В советское время – Горький, сегодня – Солженицын.

Но лишь назиданием и поучением объяснить противопоставление исторического самодержавия идеальному нельзя. Здесь все и тоньше, и сложнее. И противопоставление это связано с определенными качествами мировоззрения Карамзина. Так, заметим, самодержавие для него есть институт сакральный. Но самодержцев он критикует как “обычных политиков”. Карамзинская критика практически всех русских императоров есть типично политическая (по своей природе) критика. Она характерна для европейской культуры Нового времени, но ее совершенно невозможно представить в рамках той культуры, которая и выработала идею сакральной власти (в нашем случае – самодержавия). Следовательно, налицо сочетание блоков идей, принадлежащих принципиально различным типам культур – “традиционной” и современной (культуры просвещения).

Все это далеко не случайно. Дело в том, что певец русских традиций, русской архаики и русского охранительства был одновременно главной фигурой русского Просвещения (которая, по Канту, есть выход человека из состояния несовершеннолетия). Он первый русский независимый и автономный (от Власти) социальный индивид, социальная личность. Карамзин – первый среди рус-

ских социально субстанциальная личность. Человек, заговоривший с Богом, властью, обществом, женщиной и самим собой на частном языке. Который и стал русским литературным языком. И остается (несмотря на все модификации) им и сегодня. – Отсюда это, казалось бы, странное сочетание архаико–традиционалистского и современного (в смысле – modern). Отсюда – это сочетание несочетаемого. Отсюда весь карамзинский миф – выражение архаичного современным способом. Досовременный по содержанию и современный по форме. Это и фундаментальное противоречие и фундаментальное качество нашей культуры.

И еще о Карамзине. Он первым сформулировал то, что надобно знать всякому русскому политику. “Гражданские учреждения должны быть соображаемы с характером народа: что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле”. Конечно, сегодня, это звучит совершенно тривиально. Звучит–то, да. Но руководством к действию за два столетия не стало! Значит не тривиальна эта мысль Карамзина. Что же касается за ней следующей, она и вовсе должна была стать “судьбоносной”. Но о ней забыли. Напрочь. Надеюсь не навсегда... “Русское право также имеет свои начала, как и Римское; определите их и вы дадите нам систему законов”.

Это – пророческие слова. Это – задача, которую Россия еще не решила, но решить обязана. Иначе, своего государства и общества, ей никогда не построить. И пока мы не “определим” “начала” русского права, у нас не будет эффективной и адекватной “системы законов”. Сделав же это, мы покончим с господствующим заблуждением относительно якобы неправовой по сути природы России. Это заблуждение губительно для отечественной истории, поскольку, с одной стороны, несет в наши души правовой нигилизм, а с другой – открывает возможность для любого иного регулятора социальных отношений. Будь то деспотия или чуждые русской культуре заимствованные юридические нормы. Все это лишь заменители, уродующие народный организм....

Михаил Михайлович Сперанский – безусловно есть отец–основатель всей современной русской политико–правовой традиции. И вместе с тем это, наверное, самый недооцененный отечественный мыслитель. Его не поняли, не захотели понять и Толстой, и Достоевский, и Герцен, и Чернышевский, и отчасти Ключевский. А ведь это почти все “наше все”! К счастью, и здесь Пушкин стоит особняком. Он называл Сперанского “Гением Блага” и всячески ухаживал за ним в свете.

Значение Сперанского становится очевидным после простого перечисления того, что он завещал нам. Того, чего русские до него не имели: правовое государство, разделение властей, конституционную схему организации власти, систему министерств, кодификацию законов, теорию элит, социальное христианство, просвещенную бюрократию. А также – Царскосельский лицей, Училище правоведения, Киевский университет, систему управления Сибирью, ряд кодексов, регулировавших хозяйственную деятельность страны в XIX в., новое церковное образование. Помимо того, был крупнейшим государственным деятелем, богословом, преподавателем.

В 1809 году он напишет “Введение к Уложению государственных законов”. Наряду с карамзинской “Запиской о древней и новой России” ее следует включить в список экзаменационных для кандидатов на занятие государственной должности. Первая русская конституция, октроированная Николаем II в апреле 1906 года, и так называемая ельцинская конституция 1993 года, подобно отечествен-

ной литературе, вышедшей из “Шинели”, родились из властно–организационной схемы, предложенной Михаилом Михайловичем во “Введении”. Конечно, это не копии оригинала, однако их генетическая преемственность несомненна. При жизни самого Сперанского реализовалась лишь одна деталь его плана. Был создан Государственный совет – законосовещательный орган при императоре, институция, члены которой составляли круг влиятельнейших сановников. В эпоху “великих реформ” Александра II (ему в середине 30–х Сперанский читал лекции по правоведению и “политическим наукам”) через введение системы земского уездного и губернского самоуправления и создания независимого (от власти) суда план был осуществлен на среднем и нижнем уровнях. То есть новый конституционно–правовой дом строили, как и полагается, с низа, с фундамента.

Несколько огрубляя и модернизируя (с целью – опустить детали и не запутаться в частностях), схему Сперанского можно представить следующим образом:

Император

Государственный совет

(Исполнительная власть) (Законодательная власть) (Судебная власть)

Министерства и Государственная дума Судебный Сенат

Правительствующий Сенат

Управление губернское Губернская дума Суд губернский

Управление уездное Уездная дума Суд уездный

В 1906 году дом достроили, был завершён верхний уровень. Государственный совет фактически превратился в первую палату парламента (одна половина его членов отныне избиралась, другая назначалась царем); Дума стала – второй. Правительство сохраняло ответственность перед императором. – В 1993 году, проведя антикоммунистическую и антисоветскую революцию, Россия вновь избирает себе – по крайней мере, в ключевых моментах и на верхнем уровне – схему Сперанского. Разумеется, в соответствии с реалиями конца столетия. Власть президента огромна, он не “вписан” в разделение властей, а располагается над ними (в этом смысле римейк царской власти); правительство ответственно перед президентом; Госсовет преобразился в Совет Федерации, который вместе с Думой (ограниченной, как и ранее, в реальном влиянии на политический процесс) составляют двухпалатный парламент.

Так, на протяжении почти двух столетий (за исключением коммунистического периода, но об этом ещё скажем) Россия живет фактически с одним Конституционным текстом (сначала в теории, затем на практике). Который, видимо, следует признать Конституционной Константой.

Несколько слов о Сперанском как теоретике элитизма. – Современная политическая наука со времен Й. Шумпетера сводит политический процесс к конкуренции и взаимодействию элитных групп. Лишь элиты признаются действительными политическими акторами. Конечно, в первой половине прошлого века political science еще не существовала. Но в разных странах мира творили мыслители, которые закладывали (как это выяснилось впоследствии) ее основы. У нас это – Сперанский. Он обнаруживал в России пять элитных образований, которые, по его мнению, держали будущее России в своих руках. Сохранение монархии он связывал с необходимостью регулирования и контроля над взаимоотношениями элит, с необходимостью иметь институт, находящийся “над схваткой”.

Одновременно Сперанский говорил о необходимости создания в России наследственной политической элиты, аристократического политического класса наподобие того, что в Великобритании заседает в Палате лордов и носит название “establishment”. Именно как орган этого класса и планировался им Государственный совет империи. – Конечно, ему глубоко импонировала самая стабильная из политий – английская. Но не только в этом было дело. 5 апреля 1797 года в истории России произошло в высшей степени важное событие. В этот день Павел I издал Акт о престолонаследии. Тем самым Россия превратилась из наследственной монархии по завещанию в наследственную монархию по закону. Этот Акт вносил в отечественную государственность реальные конституционные начала; он же избавлял страну от потрясений, преследовавших ее весь XVIII век (да, фактически и раньше, от момента становления Русской Власти, от Ивана IV). Павел отменил несчастное и неудачное правило наследования престола, введенное его великим прадедом. И одновременно достроил здание примогенитуры (власть переходит от отца к старшему сыну; при отсутствии сыновей к братьям по старшинству и т.д.).

Павел совершил главное для нормального функционирования власти – узаконил эффективный и логичный механизм ее трансляции от одного лица к другому. Как только это было сделано, Россия вступила в эпоху стабильности. Сперанский мог планировать дальнейшее развитие русской системы лишь опираясь на этот фундамент. Его конституция включает в себя павловский Акт. – В этом контексте “введение” наследственной политической элиты (в основе которой и частная собственность, т.е. абсолютное, от Власти независимое, обладание неким имуществом, некоей субстанцией; и здесь трансляция – по закону – носит “объективный” характер) было вполне оправданным. И если бы Россия избрала этот путь, не исключено, что “великих потрясений” в ее судьбе было бы несколько меньше.

* * *

Между смертями двух “отцов-основателей” - Карамзина и Сперанского, между 1826 и 1839 годами в интеллектуальной жизни России произошли существенные изменения. Сначала явились декабристы (т.е. те, кого так стали называть впоследствии, всё сформулировали и выступили раньше, но общеизвестными их идеи стали именно в этот период), затем идеология “официальной” народности, и - Чаадаев. С декабризмом в Россию пришла Революция. И стала целью, способом, формой жизни нескольких поколений русских образованных людей. Одновременно эта была последняя попытка нашей аристократии ограничить Власть. Последний гвардейский переворот и первое революционное выступление в одном лице – вот что такое декабризм. В рамках этого движения было выдвинуто два принципиально различных проекта (революция-проект; проект фундаментального социального изменения; революция кардинально отличается и от бунта, и от реформы) обустройства России. И полярный характер эти проекты имели не только по линии декабризма. Они вобрали в себя тогда еще лишь пробивавшиеся в русской политической мысли тенденции. Но их vitalность и креативность и в начальной стадии были столь интенсивны, что сохранились - реализуясь попеременно - вплоть до наших дней.

Павел Пестель, вождь “Южного общества”, создает модель республиканского, централистского, унитарного, руссифицированного, культурно и административно-политически однородного и нивелированного государства. С господством полиции, в том числе и тайной. При этом крепостное состояние

отменяется и половина всех земель отдаётся во владение, в собственность волостному обществу. То есть крестьяне освобождаются с землей, но она не становится их частной собственностью. Мир получает её как “общественную землю”. Таким образом, рождается следующая политико-организационная схема: “якобинская”, жесткая диктатура с социальными и экономическими гарантиями для большей части населения. Схема не “предполагающая” политическую свободу и перевод крестьянства в состояние частных собственников.

Идеолог “Северного общества” Никита Муравьев строит в России федеративное государство с четко проведенным принципом разделения властей, с правительством, ответственным перед законодательной властью. Сохраняется, но резко ограничивается монархия, гарантируется политическая свобода. Крепостное право ликвидируется и крестьяне получают в собственность землю - на каждый двор по две десятины (что для выживания в русских условиях ничтожно мало). У политико-организационной схемы Никиты Муравьева либеральные очертания: федеративное устройство с гарантиями политической свободы (в том числе и через разделение властей) и частной собственности крестьян на землю. Но без социальных и экономических гарантий для большей части населения. Различия между Пестелем и Муравьевым в самом сжатом виде можно сформулировать следующим образом: с одной стороны, рабство с гарантиями, с другой - свобода без гарантий. Таковы две Тенденции русской мысли, идущие от декабризма. Таковы два главных социальных проекта Русской Революции. В целом они сохранились не только до её “победы”, но и - как оказалось - до конца XX столетия. Ельцинская Россия 90-х годов, безусловно, социально воспроизвела муравьевский вариант. Что поразительно, поскольку, наступив на грабли “гарантийного деспотизма”, мы, ни на минуту не задумавшись, бросились на другие грабли - “безгарантийной свободы”. И не попытались даже уравнение “рабство с гарантиями против свободы без гарантий” преобразовать в “свободу с гарантиями против деспотизма без гарантий”. По-прежнему уравнение редуцировали до одной составляющей. Вторая - аннигилировалась. Что же касается проекта Муравьева, то он был “альтернативным” не только пестелевскому, но и плану Сперанского. Уже отмечалось: Михаил Михайлович был создателем русского Конституционного Текста, Конституционной Константы. Однако параллельно с этим в русской интеллектуально-политической традиции существует - причем, тоже постоянно - другой текст (другая константа). Он еще ни разу не воплотился. Но всегда присутствует в качестве альтернативы. Альтернативы, горячо желаемой значительной частью общества. В период думской монархии (1906-1917 гг.) борьба за реализацию этого конституционного проекта сведется к лозунгу: требуем “ответственного министерства”. Иными словами, речь идет о парламентской форме правления, базирующейся на принципе ответственности правительства перед законодательной властью.

Именно здесь отличие Муравьева от Сперанского. У последнего, как мы помним, правительство несет ответственность перед императором (в конституции 1906 года тоже, 1993 года - перед президентом, “выборным монархом”). Никита Муравьев первым в России убедительно сформулировал принцип парламентского правления (хотя, конечно, его оригинальность как мыслителя типически русская: заемная - в данном случае североамериканская - модель пересаживается на нашу почву, затем начинается процесс подгонки; если мыслитель настоящий, “заемность” подгоняется под русскость; в противном случае

наоборот; Муравьев был настоящим).

Но декабристы стали отрицанием (во многом) не только Сперанского, на идеях которого выросли. Другой учитель, не менее великий - Карамзин - был тоже отвергнут. Всем известно это, классическое: декабризм есть критика "Истории государства Российского" вооруженной рукой. Данное выражение столь классично и подвергалось всевозможным комментариям, что освобождает меня от поиска каких-то новых коннотаций. Скажу лишь: идейно различие между Карамзиным и декабристами установил тот же Никита Муравьев. Карамзин, по мнению декабриста, полагал, что "история народа принадлежит царю". Муравьев утверждал, что "история принадлежит народам".

Таким образом, он отвергает один из основополагающих мифов русской мысли. Карамзинский миф о России, миф, сводящий историю России к истории русской Власти, Самодержавию. В интенции Никита Муравьев обнаруживает в русской истории ростки гражданского общества. Одним из первых теоретиков и сторонников которого он и был у нас (по этой линии его ярчайшими и серьезными "наследниками" были в целом чуждые муравьевскому духу славянофилы).

В этом контексте и следует рассматривать политико-организационную схему Муравьева. Она соответствует реальности гражданского полисубъектного общества. Она не Властечентрична и не "предполагает" в качестве фундамента социальный консенсус по поводу Власти. Она "рассчитана" на эволюцию русской цивилизации в сторону антропоцентричности. - Говоря несколько иначе, муравьевский проект подобен западным конституциям (конституция - организационный проект общества, "основная норма" его жизнедеятельности), главный субъект которых - гражданин, гражданское общество, нация. Последняя является способом, средством, путем интеграции всех элементов гражданского общества в политическое единство - государство (в смысле "state"). Поэтому нация создает конституцию.

У нас же главный субъект Конституции - Власть. Порождающая, "октроирующая" самое конституцию (1906, 1993). То есть Власть дарует обществу Основной закон при условии и на условиях признания её главным субъектом этого Закона. Ну, а такое признание возможно лишь на основе общего для всего социума (в лице его ведущих актеров) понимания природы и механизма функционирования Власти. Повторю: конституции Николая II и Бориса Ельцина *par excellence* таковы.

Это – принципиальное различие между двумя властными моделями.

Отечественная наука полагает (и полагала), что конкурируют "президентская" и "парламентские" республики. А на самом деле - два различных типа общества с соответствующими им политико-организационными структурами. Западное гражданское общество, в зависимости от национальной или историко-ситуативной (как во Франции) специфики, с большим или меньшим успехом (но успехом!) отливается и в президентскую, и в парламентскую модели. В России под псевдонимами "президентский" и "парламентский" типы правления прячутся два различных типа общества. Точнее: две властных схемы, корреспондирующие тому или иному варианту социума. "Президентский" - традиционно Властечентричному, "парламентский" - возможному (в обозримом будущем - основания для этого сегодня есть; но страстно желаемого издавна) полисубъектному, антропоцентричному, гражданскому обществу. (Конечно, это не означает принципиальной невозможности для русского полисубъектного общества из-

брать себе президентскую форму правления; я лишь подчеркиваю историческую связность в России двух властных моделей с двумя вариантами социального развития.)

Вот что такое по сути проект Сперанского и проект Муравьева. При этом я не хочу сказать, что конституционный план Сперанского “отвергает” гражданское общество: вовсе нет. Более того, сам Михаил Михайлович был крупным теоретиком и безусловным сторонником этого типа социума. Но его конституционный план - так исторически сложилось - как-то очень органично “вписался” во Властечентричность и стал даже ее правовым оформлением. Хотя сам план этим не исчерпывается. Это русская жизнь так приспособила к себе и под себя идеи Сперанского.

Конечно, “президентская” республика (или ранее русская монархия) есть юридическая форма отцовской власти и отражение гетерономистской (пользуясь терминологией Канта, “гетерономия” - подчинение извне приходящим нормам) формы сознания. “Парламентская” республика (или ранее лозунг “ответственного министерства” в условиях сохранения и - одновременно - ограничения монархии) должна соответствовать гражданскому обществу (обществу “совершеннолетних”, не нуждающихся в патерналистской власти, власти отца - опекуна) и автономистской (“самопорождающей” нормы - также по Канту) форме сознания.

И еще немного об эпохе 1826-1839 годов. В начале тридцатых приходит граф Сергей Семенович Уваров с триадой “Православие. Самодержавие. Народность”. По заказу императора рождается первая официальная идеология, первая государственная идеология. Что в “официальной народности” было совершенно внове русскому уму той эпохи? Негативное отношение к Западу. Более чем вековой период механистического подражательства и заимствований закончился. Россия, по крайней мере, отчасти, возвращается к традиционному для нее восприятию Запада - отрицательному, критическому. А в русском сознании прочно утверждается дихотомия: “мы - они”, “Россия” - “Европа”. Вообще-то враждебное отношение к Европе не Бог весть какое новшество. Оно красной нитью проходит через историю последних столетий допетровской Руси. Но это, уваровское, антизападничество обретает иные черты. Отныне процесс самоопределения России, русского и русских будет обязательно включать в себя и некое представление о Европе - как правило, негативное, причем даже у западников (но это особая тема), и сопоставление себя с Европой, и заимствования у нее, и выработку оружия для борьбы с этой “гниющей блудницей” и одновременно “страной святых чудес”.

Но уваровская “система” - это и русский ответ Французской революции. Каждому элементу их триады со-ответствовал элемент нашей триады. “Православие. Самодержавие. Народность” versus “Свобода. Равенство. Братство”. А еще Уваров учил: самодержавие не есть только и просто историческая форма русской власти. Это - Константа нашей истории; это - вечная Русская Власть. Другой не было и не будет. То же можно сказать о Православии. Впервые прозвучало: русский=православный; если не православный, то не русский. В “народности” было заложено и антизападничество, и редукция высоких и сложных форм культуры к “элементарным”, “простонародным”.

Приходится признать: Уварову удалось редкостное. В трех словах передать, выразить важнейшие, конститутивные стороны русской психеи. Эта триада наряду с “Москвой - Третьим Римом” и коммунизмом принадлежит к

важнейшим идеологиям русской истории. Но третьеримская и коммунистическая суть универсалистские, не русские по происхождению, по истокам. Они усвоены и переработаны под себя русскими, но не порождены ими. Это, в конечном счете, универсалистские схемы, в контекст которых вписывается Россия. Уваров же говорит только о России. Учительный старец Филофей и Ленин создают так сказать про-русские схемы, про-Русь-Россию в рамках мирового процесса. Уваровское же не про-русское, но русское. Единственно русская формула самоопределения России. Это единственное партикуляристское русское уравнение: Россия = Православие + Самодержавие + Народность.

* * *

Невероятную с точки зрения классического либерализма модель политического обустройства России предложил один из классиков отечественного либерализма К.Д.Кавелин. Следует подчеркнуть: этот мыслитель действительно был по своим убеждениям либералом, но – либералом типически русским. То есть с большой склонностью к социализму (Чичерин и Милюков здесь скорее исключения), с подозрением (вплоть до отрицания) к частной собственности, с отказом от разделения властей, конституции и т.д. Однако здесь не место развивать эту тему; Кавелин – в контексте данной работы – интересует нас как предшественник русской политической науки, как важное действующее лицо русской предполитологии.

Каким же видит он тот строй жизни, который органичен и поэтому единственно возможен для России? «Позвольте мне... напомнить вам одно очень умное слово Ю.Ф.Самарина. Он где-то сказал: “В идеале русском представляется самодержавная власть, вдохновляемая и направляемая народным мнением”. Мне кажется, что это вполне верно. Тут выражено органическое единство власти и народа, а так как народ, без сомнения, по самому существу своему самодержавен, то единая с ним власть ео ipso (тем самым. – Ю.П.) должна быть самодержавной». Это, так сказать, общая формула. Но имеется и расшифровка того, что есть «самодержавный народ» и как реально воплощается «органическое единство власти и народа» (кстати заметим, политическую формулу западник Кавелин практически заимствует у славянофила Самарина; вот вам и раскол русской мысли на западничество и славянофильство! Вот вам русское либеральное западничество!).

Сначала о «самодержавном народе». Это такой народ, который «убережен судьбою от принципов римских (т.е. в первую очередь от института частной собственности; вообще от правовых принципов. – Ю.П.), уже и теперь не знает сословных разделений»; народ – «как нельзя более веротерпимый и стремящийся к осуществлению своего исторического идеала не в грубой конституционной борьбе большинства с меньшинством, но в общинном единогласии под эгидой самодержавной власти». Причем Кавелин уверен, что «семидесятиmillionный крестьянский мир не пойдет ни за дворянством, ни за буржуазией».

Далее: о том, в какой властной форме осуществится «органическое единство» самодержавия и народа-крестьянина. «Царь есть единственный и самый верный оплот крестьянства против аристократических или мещанских (читай: буржуазных. – Ю.П.) конституций; он и в будущем лучшая гарантия против возникновения всяких привилегированных правящих классов. И нет сомнения, что всею массой своей, дружно и уверенно Россия может идти только за самодержавным, т.е. свободным (!!! – Ю.П.) царем, не зависящим ни от бояр, ни от плутократии. Сама история заставляет нас создать новый, небывалый

своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как – самодержавная республика».

Этот «небывалый» политический строй – самодержавная республика (!!!) – и должен будет провести социалистические преобразования в России (как бы хотелось, чтобы этот текст увидели современные отечественные либералы; в наивности своей они и не подозревают, что русский либерализм родился как социал-либерализм и одно из важнейших измерений – социалистическое; кстати, и западный либерализм вот уже несколько десятилетий во многом социал-либерализм; могу напомнить известные слова классика европейского либерализма XX в. Ральфа Дарендорфа: в своих лучших проявлениях наше столетие было социал-демократическим и мы – либералы – тоже социал-демократы). В общем же Кавелину видится такая страна: «Я начинаю с крестьянской общины, вполне автономной во всех делах, до ее одной касающихся; затем союзы общин уездные и губернские или областные со своими выборными представительствами: а целое завершится общим земским собором под председательством самодержавного, наследственного царя. Для того наследственного, чтобы не было борьбы партий и смуты при его избрании, для того самодержавного, чтобы он мог быть всегда царем всех, а не того случайного большинства, благодаря которому он бы царствовал».

Таково политическое кредо Кавелина. Еще раз подчеркнем: в нем нет места традиционным либеральным идеям и ценностям. Напротив, всему этому объявляется война не на жизнь, а на смерть. Кстати, для Кавелина характерно онтологическое неприятие интеллигенции («Если верховная власть и действует иногда как бы в согласии с интеллигенцией, так это с ее стороны только временная ошибка, со стороны интеллигенции – это злой расчет»). Единственные же позитивы его либеральной программы, как мы видим, – социалистически-общинный уклад, пронизывающий Русь по всей социальной горизонтали, и самодержавие – организующий принцип властной вертикали. При этом, повторим, социалистически-общинный народ «самодержавен», а самодержавие – «народно». И эти предикаты не случайны. Здесь устанавливается внутренняя, сущностная (а не внешняя, формальная, юридическая) связь царя с народом и народа с царем. Это даже не связь в привычном смысле этого слова, а некая диффузия друг в друга. Это не мужское и женское начала, но мужско-женское или женско-мужское. Это – социальный андрогин. Для понимания такого организма не подходит веберовская социология с ее типами господства и рациональности. Перед нами – скажем это с некоторой иронией – воплощенное всеединство.

Поразительным образом – но об этом в скобках, кратко, мимоходом – совершенно неожиданно эти идеи Кавелина оказались близкими, родственными идеям другого русского гения – Константина Леонтьева. Внешне это полностью чуждые друг другу люди. Трудно представить себе мыслителей более несхожих. Общее у них только имя... И тем не менее оба (эти «полюса»!) – в конечном счете – думали об одном. Лидер русского либерализма и лидер русской (жесткой, «без страха и упрека») реакции думали об одном и, определим это герценовским словом, «одинако». Это одно: как самодержавный тип власти сохранить и соединить с общинно-социалистическим народом, вообще с социализмом (да и убрать с дороги то, что мешает этому). Безусловно, у каждого были свои побудительные мотивы, резоны, целеполагания, характеры и темпераменты. Для нас же – сейчас – важно то общее, что их связывало, поверх, каза-

лось бы, непреодолимых барьеров, и то, что важно для формирования русской науки о политике.

За полтора года до смерти (умер осенью 1891 г.) бедный, больной, несчастный, ослепительный и великий Константин Леонтьев, не очень-то и веря, но с последней (а на что еще? – могу подтвердить я более чем через сто лет) надеждой, напишет: «Иногда я думаю (не говорю, мечтаю, потому что мне, вкусам моим, это чуждо, а невольно думаю, объективно и беспристрастно предчувствую), что какой-нибудь русский царь – быть может и недалекого будущего, – станет во главе социалистического движения (как св. Константин стал во главе религиозного...) и организует его так, как Константин способствовал организации христианства, вступивши первый на путь Вселенских Соборов».

А еще раньше в по-ницшевски гениальном «Среднем европейце» (чего только стоит название (полное) – «Средний европеец, как идеал и орудие всемирного разрушения»!) он желал России «заразиться... несокрушимой в духе своем китайской государственностью и могучим мистическим настроением Индии». Затем соединить их в нечто цельное и «подчинить» им европейским социализм». И все, честно говоря, исполнилось. Не беда, что вместо православного царя явился Председатель Совнаркома («Председатель Совнаркома, Наркомпроса, Мининдела!»). Не беда, что в «Третьем Риме» прошли не Вселенские соборы, а конгрессы Коминтерна. И европейский социализм мы подчинили себе. И китайским несокрушимым духом заразились: «Сталин и Мао слушают нас», «Русский, китаец – братья навек», «Эта местность мне знакома, как окраина Китая». И могучее мистическое настроение Индии не минуло нас. Иностраннный отдел ОГПУ через художника и мыслителя Рериха, через эмиссаров Коминтерна соединил советский социализм с этим древним духовным источником. По сути исполнилось все. Все, о чем мечтал Константин Леонтьев.

Впрочем, как и Константин Кавелин. Безусловно, властный строй СССР можно квалифицировать как «самодержавную республику». Безусловно, система советов («союзы общин уездные, губернские или областные со своими выборными представительствами» – внизу и «общий земский собор» – пленум ЦК плюс Верховный Совет – во главе) была народна, а сам советский народ – самодержавен. То есть без всяких там «римских принципов» социалистичен. Вот только власть генсека не была наследственной. Этот-то «пустячок» и пустил под откос «наш паровоз», который «летит вперед» (конечно, не одно лишь это...). Но никогда еще в русской истории власть не была столь народной, а народ – столь властен. Над формулой такого всеединства, такой близости (а ведь как развел их Петр I) бились лучшие умы XIX столетия. Ленин и большевики оказались возможными именно в этой атмосфере. И ленинский марксизм в этом не противоречит кавелинско-леонтьевской (на самом-то деле соавторов была тьма-тьмущая, многие поработали...) формуле. Он и укладывается в нее, и модернизирует, и адаптирует, и развивает.

* * *

Очень важный шаг в развитии русской политической мысли был сделан критическими, свободомыслящими марксистами-ревизионистами. После первой революции они составят ядро сборника «Вехи» и прославят себя в качестве виднейших мыслителей-идеалистов, после второй революции окажутся в эмиграции и мир узнает о существовании великой русской религиозной философии. Но в период 1890–1906 гг. эти молодые люди – П.Б.Струве, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, А.И.Изгоев, С.Л.Франк, Б.А.Кистяковский – были видными

марксистами, участвовали в социал-демократическом движении. Правда, их марксизм был крайне своеобразным; такими же стали и интеллектуальные плоды этого марксизма. Скажем прямо: ошеломительно неожиданными и имеющими самые серьезные последствия.

Итак, что же за новый государственный проект был выдвинут в начале века «странными» отечественными марксистами? Обратимся к мнению А.С.Изгоева, пронизательного политического мыслителя и либерального общественного деятеля. «Русский марксизм (т.е. ревизионизм. – Ю.П.), – пишет он, – был несомненно отцом русского демократического конституционализма (выделено мной. – Ю.П.). Внешним образом это выразилось в том, что значительная часть марксистов отдала свои силы теоретической и практической пропаганде конституционных идей в России. Внутренне это сказалось тем, что только марксизму удалось теоретически обосновать необходимость для России конституционного строя (выделено мной. – Ю.П.), и это обоснование было так блестяще, так оправдывалось событиями жизни, что очень скоро от старых народнических анти-конституционных иллюзий не осталось и следа. Эти иллюзии потом возродились – такова ирония судьбы – в лагере “твердокаменных” социал-демократов из интеллигенции. Марксисты доказали, что конституции требуется ход экономического развития, что переход к правовому строю от феодально-самодержавного обусловливается переходом от натурального, преимущественно земледельческого, быта к современному меновому индустриальному денежному хозяйству (выделено мной. – Ю.П.). Жизнь блестяще оправдала их теорию».

Но одно дело – теоретическое обоснование – пусть и блестящее – необходимости перехода к конституционному строю, демократическому правовому государству, а другое – практическое осуществление этих идей. Где тот исторический субъект, который сможет взяться и решить эту задачу? Поэтому-то «неортодоксальные марксисты не делали себе кумира из пролетариата, а добросовестно искали те социальные силы, которые способны были... перевести Россию в разряд правовых государств... В этих поисках неортодоксальные марксисты и пришли к интеллигенции». Дворянство было отвергнуто как разрушающийся и реакционный класс, буржуазия как еще слабое, малоразвитое и малокультурное сословие, к тому же никогда и нигде непосредственно, прямо не управляющее государством. И получалось, что «силой для конституционной реформы», «опорой конституционного строя» могут быть «только интеллигенция, лица свободных профессий, педагоги, так называемый “третий элемент”, земский и городской, всякого рода технические работники, близко стоящие к населению...».

Таким образом, необходимый исторический субъект был найден. Однако интеллигенция, по убеждению Изгоева, была тоже не совсем готова к великой роли. 1905 год убедительно показал это. Следовательно, интеллигенции предстояло «переродиться и возродиться». «Из антигосударственной, антипатриотической – интеллигенция должна стать творческой, созидательно-государственной, по своим идеям, силой, не теряя в то же время своего духа, не сквернясь холопством, в котором морально и умственно погибло наше нынешнее служебное сословие. Из антирелигиозной, фантастически атеистичной – интеллигенция должна превратиться в группу людей действительно культурных. Она должна научиться ценить силу и значение для жизни подлинных религиозных идей, разделяемых сотнями миллионов, но в то же время не унижаться до лице-

мерного ханжества, убивающего человеческий дух. Из духовно-высокомерной и нетерпимой она должна сделаться истинно гуманной, отвергающей всякий террор, как физический, так и моральный. Из замкнутой в себе узкой группы теоретиков-фантазеров интеллигенция должна превратиться в широкое, открытое национальное общество умственно развитых людей, смотрящих на жизнь открытыми глазами...».

Понятно, что эта программа-максимум для интеллигенции звучала как-то нереалистично, уж слишком многое в себе должна была она изменить. Но Изгоев знал, о чем говорил и «что ныне лежит на весах». «Скажут, что поставленная задача не разрешима, что она утопична. На это могу дать только один ответ: разрешение его необходимо. Если не удастся создать в России государственную интеллигенцию сознательными усилиями, она в ней народится как результат целого ряда катастроф, если только за это время не погибнет и не расчленился само государство. Пока мы живы, наша задача предупреждать эти катастрофы и готовить людей, способных к творческой работе».

В сущности, на эту тему шесть бывших ревизионистов и «примкнувший к ним» М.О.Гершензон и написали «Вехи». А тот скандал, который разразился вокруг «отважной семерки» («клевета», «пасквиль», «рenegатство»; да ленинская злоба, да милюковская тупость), лишь свидетельствовал об оправданности их опасений. Не понял «третий элемент», либерал-социал-демократ, что «резкость и сконцентрированность... нападок на интеллигенцию тем и вызвана, что они (авторы “Вех”. – Ю.П.) слишком ясно видят огромную роль, предстоящую русской интеллигенции, и сознают, как много надо сделать, чтобы она стала достойной этой роли...».

Но в чем все-таки принципиальная новизна государственной идеи, разработанной ревизионистами? И почему ревизионизм готовил русскую интеллигенцию к восприятию государственной идеи?

Выше уже говорилось о природе той государственности, которая возникла у нас в результате преобразований Петра I. Так вот к концу XIX столетия творческая потенция этого властного организма начинает затухать. Нарушается и равновесие между ее «консервативной» и «прогрессивной» компонентами. Этот организм постепенно перестает соответствовать тому типу социальности, который формируется в России в ходе «великих реформ». Ослабевают и витальность основной привластной силы – либерально-консервативной просвещенной бюрократии, пережившей свой звездный час в эпоху Александра II. На повестке дня встает вопрос о необходимости выработки новой властной формулы, новой властной идеи для России. Необходимыми условиями для решения этой задачи были трезвый анализ природы петровского самодержавия, отказ от утопических проектов его «подмораживания» или полной замены чем-то совершенно иным, из него как бы не вырастающим, нахождение той социальной силы, того исторического субъекта, который мог взяться за реализацию этой новой идеи.

Эта проблема и была решена группой молодых ревизионистов в период 1890–1905 гг. России была предложена государственная формула – демократическое, конституционное, правовое государство. Эта формула соответствовала тому типу социальной, экономической, политико-правовой, социопсихологической эволюции, которую переживала страна в конце прошлого – начале нынешнего столетий. Был найден и исторический преемник просвещенной бюрократии – интеллигенция. Но интеллигенции еще предстояло возвыситься до

уровня стоявших перед ней грандиозных задач. Ей предстоял труд внутреннего «перерождения» и тяжелейшая работа по организации всех творческих сил русского общества – нарождающейся в городе буржуазии, поднимающегося в деревне самостоятельного хозяина, «остатков» (впрочем, не таких уж и малых) просвещенной бюрократии. Позднее к этим силам мог присоединиться и рабочий класс, окультуренный и ведомый динамичной и конструктивной социал-демократией. Так складывался исторический блок, которому было вполне по плечу строительство в России общества «совершеннолетних». И еще об одном очень важном элементе русской государственной идеи. Предложенная формула имела не только демократическое, конституционное, правовое измерения, но и – социальное. Эта тематика была блестяще разработана Б.А.Кистяковским. Он полагал, что правовое государство со временем станет «социалистическим правовым государством». По его мнению, «правовой строй нельзя противопоставлять социалистическому строю. Напротив, более углубленное понимание обоих приводит к выводу, что они тесно друг с другом связаны, и социалистический строй есть только более последовательно проведенный правовой строй. С другой стороны, осуществление социалистического строя возможно только тогда, когда все его учреждения получают вполне правовую формулировку». Термина «социалистическое правовое государство» не должен отпугивать современного читателя. Это понятие принадлежит своей эпохе. На языке сегодняшнего дня оно звучит так – «социальное правовое государство». Его мы можем обнаружить, например, в Конституции ФРГ. А смысл заключается в том, что демократические принципы распространяются не только на политико-правовую сферу жизнедеятельности общества, но и на социально-экономическую. Подразумевается необходимость дополнения демократии политической демократией социальной и экономической. Право же выступает основным инструментом реализации демократических принципов. Следует сказать, что впервые эти идеи появляются (почти одновременно) у классика немецкого либерализма Фр. Наумана, с чьим именем связано зарождение социального либерализма, у теоретиков германской социал-демократии начала XX в. в учении об этическом социализме и у русских ревизионистов. Кистяковский же обосновывал необходимость соединения принципов социализма и правового государства также и с точки зрения хозяйственной эффективности. Для капитализма его времени были характерны кризисы и анархия производства. Покончить с ними, считал он, можно лишь с помощью социалистических механизмов, которые упорядочат процесс производства и сделают более справедливым механизм распределения материальных благ. Но, повторяю, не надо «пугаться» слова «социализм». У ревизионистов он означает наиболее справедливый и высший тип социальной политики (кстати, сам Кистяковский впоследствии отказался от термина «социалистический строй» в пользу термина «социально-справедливый строй»).

Так русская политическая мысль в лице марксистского ревизионизма сделала принципиально новый выбор. Говоря языком Канта, – выбор в пользу автономии, автономистского типа сознания, выбор в пользу правового государства. И хотя идея Rechtsstaat не была внове русскому сознанию (Сперанский, Муравьев, Чичерин, Соловьев и др.), именно в рамках ревизионистского марксизма она получила практическое обоснование. То есть доказательство возможности построения у нас, на Руси, такого типа власти. Великая заслуга этих мыслителей состоит в том, что им удалось – в высшей степени убедительно

– связать желательность правового государства с потребностями и логикой социально-экономического развития России.

* * *

Как известно, события 1905 г. привели к существенному изменению государственного строя России. И вместе с тем они стимулировали разработку новых подходов к теме “государство”. Так, к примеру, в марте 1908 г. П.Б.Струве напишет: «...Русская революция научила меня живо ощущать и понимать что такое государство». Действительно, сразу же после ее затухания он приступает к написанию «Книги размышлений о государстве и революции». И хотя она оказалась незавершенной, из этих набросков вырастает замысел «Вех». Некоторые фрагменты автор публикует самостоятельно, в виде отдельных статей. Их появление встречено обществом бурей непонимания, несогласия, негодования. Особый шум вызывают две работы – «Великая Россия» и «Отрывки о государстве».

Сначала (в январе 1908 г.) появляется «Великая Россия». В ней Петр Бернгардович формулирует несколько принципиальных и неожиданных (для русского общества) положений. Первое. «Можно как угодно разлагать государство на атомы и собирать его из атомов, можно объявить его “отношением” или системой “отношений”. Это не уничтожает того факта, что психологически всякое сложившееся государство есть как бы некая личность, у которой есть свой верховный закон бытия». Второе. Этот закон гласит следующее: «Всякое здоровое и сильное, т.е. не только юридически “самодержавное” или “суверенное”, но и фактически самим собой держащееся государство желает быть могущественным. А быть могущественным значит обладать непременно “внешней” мощью». Третье. Не внешняя политика является продолжением и следствием внутренней, а наоборот. Внутренняя политика должна исходить и «подчиняться» императивам внешней. «Оселком и мерилем всей т.н. “внутренней” политики как правительства, так и партий должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует т.н. внешнему могуществу государства?». Четвертое. «...Государство есть “организм”, который во имя культуры подчиняет народную жизнь началу дисциплины... Дисциплина, в свою очередь, есть основное условие государственной мощи». Пятое. «Дух государственной дисциплины был чужд русской революции». Но и русской реакции тоже. Шестое. «Как носители власти до сих пор смешивают у нас себя с государством – так большинство тех, кто боролся и борется с ними, смешивали и смешивают государство с носителями власти». То есть в России и реакционеры, и революционеры путают «государство» с конкретными физическими лицами, в данный момент отправляющими властные функции.

Заключает этот теоретический этюд следующий пассаж: «Государство должно быть революционно, когда и поскольку этого требует его могущество. Государство не может быть революционно, когда и поскольку это подрывает его могущество. Это «закон», который властвует одинаково и над династиями и над демократиями. Он низвергает монархов и правительства; и он же убивает революции. Понять это, значит понять государство в его истинном существе, заглянув ему в лицо, которое, как лик Петра Великого... “прекрасно” и “ужасно”».

Через несколько месяцев (в мае 1908 г.) публикуются «Отрывки о государстве», в которых Струве развивает тему: «Государство есть существо мистическое», – заявляет бывший социал-демократ и (de facto) бывший кадет. Мистич-

ность же государства «обнаруживается в том, что индивид иногда только с покорностью, иногда же с радостью и даже с восторгом приносит себя в жертву могуществу этого отвлеченного существа. Ницше говорил о холоде государства. Наоборот, следует удивляться тому, как это далекое существо способно испускать из себя такое множество горячих, притягивающих лучей и так ими согревать и наполнять человеческую жизнь. В этом именно и состоит мистичность государства, что, далекое индивиду, оно заставляет жить в себе и собою. Говоря это, я имею в виду не те технические приспособления государства, как упорядоченного общежития, которые служат индивиду, а сверхиндивидуальную и сверхразумную сущность государства, которой индивид служит, ради и во имя которой он умирает. Мистичность заключается именно в этой полнейшей реальности сверхразумного».

Струве утверждает, что сверхразумная природа государства выражается и выражает себя в его стремлении к могуществу, «мощи во вне». С этим стремлением связано «империалистическое» измерение государства, государственный империализм – «забота о внешней мощи государства». Но оно обладает и другим измерением – «либеральным» («забота о справедливости во внутренних отношениях»). Таким образом, империализм и либерализм суть конститутивные элементы государственности вообще.

В «Отрывках о государстве» делается также важное наблюдение по поводу природы власти: «Жизнь государства состоит, между прочим, во властвовании одних над другими. Давно замечено, что власть и властвование устанавливают между людьми такую связь, которая нерациональна и сверхразумна, что власть есть своего рода очарование или гипноз».

Таким образом, по Струве, мистическим (сверхразумным, нерациональным) характером обладает не только государственное, но и властное. Однако и более того. Все то, что связано с государством и властью. А именно: нация, культура, язык. Или, иначе говоря, мистичен весь этот круг явлений: государство – власть – культура – нация – язык. В подтверждение этой своей мысли Струве с сочувствием цитирует Вильгельма Гумбольдта: «Мне всегда казалось, что тот способ, каким в языке буквы соединяются в слоги и слоги в слова, и каким эти слова в речи спрягаются между собою, сообразно своей длине и своему тону, что этот способ определяет или указывает умственные и в значительной мере моральные и политические судьбы нации». Для самого же Петра Бернгардовича мистичность государства лучше всего подтверждается историей Североамериканских штатов. «Идеи... могут создать государственность... Так, идея свободы, перенесенная пуританами в леса Северной Америки, создала там новую государственность».

Надо сказать, что в этих статьях 1908 г., написанных еще по горячим следам первой революции, представлен – разумеется, *in pise* – тот подход к государству (к «государству» вообще, а не только русскому государству), который в окончательном виде будет сформирован на Западе в межвоенный (20-е–30-е годы) период. Таким образом, Струве в очередной (но не в последний!) раз оправдывает свою репутацию первопроходца. Что же касается русской мысли вообще, в целом, то этот интеллектуальный прорыв подтверждает мой тезис: в эти годы она становится современной (*modern*). Как, кстати, современной становилась и Россия...

Что же касается нового подхода к государству в межвоенный период, то прежде всего он связан с именем Карла Шмитта. «Бывают странные сближе-

ния». И это, наверное, тоже может вызвать некоторое удивление. Хотя, думаю, лишь в первый момент. Если вчитаться в тексты обоих авторов, очень быстро убеждаешься в «сродстве» их мысли. Но не по каким-то конкретным, практическим вопросам, а по существу. А «существо» это таково.

Современная западная мысль, тип сознания и наука (способ рационального понимания мира и человека) родились во многом как результат спора схоластов, спора двух школ – номиналистов и реалистов. Возобладала номиналистическая линия. Затем явились Декарт, Паскаль, Ньютон, Гоббс, другие; началось «расколдовывание» действительности. Пришло Просвещение с призывом к homo sapiens выходить из состояния несовершеннолетия и т.д. Что касается русской культуры и русской мысли, то их участие в этом интеллектуальном процессе в целом оказалось скромным. Более того, есть ощущение, что русский человек как будто и не знает о сути этого спора. То есть мы как бы люди «до спора номиналистов и реалистов». И еще более того, «наше все», наши гордость и совесть, к примеру, последний герой и титан отечественной мысли А.Ф.Лосев прямо заявлял: русская философия до и вне всех этих западных интеллектуальных революций. Она – до-логическая, до-рациональная, до-, до-, до-. В «Диалектике мифа» тем не менее А.Ф.Лосев говорит о необходимости проведения «чистки понятий» (кстати, в это же время разворачиваются партийные чистки). Это, безусловно, свидетельство того, что злобные номиналисты проникли и в нашу обитель.

Но это – с одной стороны. С другой – в XX столетии в сфере естественных наук произошла революция. Эйнштейн, квантовая физика, Гейзенберг и т.д. – все это символы этой революции (читателю-гуманитарию содержание ее объяснили в книге «Порядок из хаоса» Илья Пригожин и Изабелла Стенгерс). Науки же социальные и науки о человеке по-настоящему в революционную фазу вошли намного позже. Скажем, во второй половине века. Хотя, конечно, и Мартин Хайдеггер, и Карл Шмитт, и другие вовсю развивались в этом фарватере уже в 20-е годы, да и раньше.

Развивались куда? Революция в чем? Отвечая очень общо: поиск нового соотношения между номинализмом и реализмом. При сохранении номиналистического подхода определенная реабилитация реалистического. Или – релятивизация номинализма посредством «реализации». В науках политической и государственной во главе авангарда шел Карл Шмитт.

В России же складывалась ситуация не просто неудачная, но, так сказать, дважды неудачная. «Проспали» эпоху номинализма и, понятно, оказались вне игры в ходе новой революции сознания. Однако не все. Петр Струве и его соратники по ревизионистскому марксизму оказались людьми вполне современными и открытыми этим качественным переменам.

Внешне воззрения Струве на государство представляют собой какую-то странную смесь социал-демократических, социал-реформистских, вполне позитивистских идей с «мистицизмом», апологией силы и т.п. Он одновременно либерал, социалист, консерватор, империалист, мистик и пр., пр., пр. Как же это понять? С помощью этих, таких, подобных определений понять невозможно. А вот в ином, новом контексте – вполне.

Струве утверждает первичность внешней политики по отношению ко внутренней. И казалось бы, ставит привычное нам понимание с ног на голову. Но для современного исследователя, прошедшего школу «мир-системного» анализа (И.Валлерстайн), это не кажется чем-то экстравагантным. Ибо, конечно, вну-

тренняя политика всякого государства обусловлена жизнедеятельностью феномена «мир-система» (мир как система, мировая система). Просто Петр Бернгардович еще не имел адекватного научного языка и потому был вынужден новое выражать в старых терминах.

Или идея Струве о том, что государство покоится на двух китах, – «либерализме» и «империализме». В конце 20-х годов К.Шмитт в «Учении о конституции» убедительно покажет и докажет, что государство обладает двумя измерениями: либерально-правовым и властно-политическим. По сути он воспроизведет идею Струве (в целом, в общем, с некоторыми иными коннотациями).

Теперь о «мистике» государства и власти. В современной физике фундаментальным является понятие «энергия», в политической науке – понятие «власть». Причем сами политологи говорят об энергичности власти, об определенной схожести природ энергии и власти. Точно так же наука XX столетия подтверждает связь между строем языка того или иного народа и властно-политической организацией этого народа. Приведенная выше мысль В.Гумбольдта, столь понравившаяся Струве, была подхвачена и научно доказана в наши дни. Речь идет об известной гипотезе Сепира-Уорфа (гипотеза лингвистической относительности). Смысл ее заключается в том, что структура социальной и политической жизни человеческого коллектива определяется типом языка. Им диктуется нормативное мышление и поведение (в том числе и государственно-политическое).

В таком контексте нет ничего странного, когда Струве говорит о мистике государства и власти. Нам лишь следует поместить его «мистику» в поле той науки, которая занята проблемами бессознательного, подсознания, обратимости и необратимости времени, порядка из хаоса, энтропии и т.д. Это мистика той же пробы, что звучит в словах К.Шмитта: «Сегодня каждый физик знает (раньше это было ясно лишь теоретикам познания высокого уровня), что наблюдаемый объект меняется в процессе наблюдения над ним». Мистика Струве сродни мистике К.Г.Юнга и квантовой физики. Скажем, известному уравнению Шрёдингера, которое «описывает не какой-то особый уровень реальности. В его основе лежит скорее предположение о существовании макроскопического мира, которому принадлежим мы сами». Мистическое государство-существо, государство-личность тоже своего рода феномен «макроскопического мира». Квантовая механика покончила с «замкнутыми» физическими теориями позитивистского XIX в. Но и идеи Струве о мистике государства и власти, о первичности внешней политики, безусловно, ломают «замкнутые» концепции социального и политического, порожденные тем столетием.

С пониманием государства как особого «существа», особой «личности» связана и мысль Струве о том, что носители государственной власти не могут быть смешиваемы с самим государством. Это – нормальное номиналистическое положение, не вполне усвоенное русской культурой. Но для *modern political science* эта идея играет ключевую роль.

Следовательно, воззрения Струве на государство не только не «странны», но и совершенно со-временны. При этом, повторим, они обгоняли его эпоху, выдвигали русскую государствоведческую мысль на самые передовые позиции. Но главное все-таки в другом. Для Петра Бернгардовича «государство» есть антитеза «революции». В известном смысле «Государство и революция» Струве (не важно, что он так и не закончил книгу с таким названием, – по существу большинство его работ об этом) подобна «Войне и миру» Толстого. «Война» для

Льва Николаевича – это отрицание «мира» и «міра». В то же время она связана с ними неразрывно (по негативу).

У Струве социальное состояние «государство» прямо противоположно социальному состоянию “революция”. Напомню: «Государство есть “организм”, который во имя культуры подчиняет народную жизнь началу дисциплины». И еще: «Дух государственной дисциплины был чужд русской революции». Иными словами, государство является не просто состоянием прямо противоположным революции, но и путем, средством, способом ее обуздания и подчинения культуре и дисциплине. По-своему Струве здесь близок Гоббсу и всей великой европейской традиции, идущей от него. И – полярен Ленину, у которого государство (коммунистическое) – воплощение революции, способ осуществления революции, результат революции и т.п. При этом ленинское государство предполагает – в ходе своей самореализации – отмирание и западного nation-state, и русского государства.

В эмиграции Струве продолжил свои исследования «государства» – и специфически-русского, и специфически-европейского. Он пишет работу «Никита Муравьев и Павел Пестель. “Российская” (имперская) и “русская” (национал-центристская) идеи в политических проектах декабристов» (Муравьев – теоретик «российской», Пестель – «русской»). Он подчеркивает: «В политическом развитии России мы видим два процесса, тесно между собой связанные и в то же время в известной мере и в известном смысле расходящиеся. С точки зрения историко-социологической, нет в образовании государств различия, быть может, более основного и решающего, чем различие между единым национально-сплоченным, национально-целостным государством и Империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делали и сделали московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства и созданием Империи (выделено мной. – Ю.П.)».

Итак, Струве фиксирует фундаментальное различие между двумя типами власти: «национально-сплоченное, национально-целостное государство» и Империя, под властными крыльями которой объединяются «разнородные в национально-этническом смысле территории». В России оба этих, противоположных, властных типа складывались одновременно, параллельно. «...При Петре, – продолжает мыслитель, – национальная консолидация вчерне... почти закончилась и начался процесс построения Империи. Имперский характер образования русского государства даже в московский период имел свое яркое словесное выражение в том, что слово “государство” прилагалось не только ко всему государственному целому, но и к отдельным его частям (например, к Новгороду Великому, к Казани) и после их окончательной инкорпорации в московское государство». И поясняет: «Самый яркий и законченный тип образования единого национального государства представляет в истории великих европейских народов создание французского государства. К этому типу приближается процесс образования московского государства, поскольку оно, это образование, держалось в пределах территорий, освоенных великорусским племенем, и состояло в присоединении к Москве двинских областей, Новгорода, Вятки, Пскова, Твери, Рязани. Тут чисто русские государства, и притом государства великорусские, объединились в некое единое политическое целое, с единым национальным составом. Тут не было еще Империи. На имперский путь Москва встала, когда она стала присоединять татарские государства». А также – («несмотря на племенное

родство») Малороссию, существенную часть Польши, Грузию, Финляндию, Бессарабию и т.д.

Далее Струве говорит о специфике Российской Империи: «Различие между целостно-национальным государством и многоплеменной и многокультурной империей во всяком случае имеется налицо, при наличии известных реальных бытовых условий, какие бы юридические формы ни принимало государственное устройство данного государства. Империя может быть, но отнюдь не всегда является, федерацией в точном государственно-правовом смысле. По определению Н.М.Коркунова, «федерация есть соединение нескольких государств для совместного осуществления союзною властью общих им задач государственной жизни». Историческая Россия никогда не была федерацией в этом смысле, даже если считать, что в разные исторические моменты Малороссия, Финляндия, Царство Польское с коренным ядром государства вступали в отношения или находились в отношениях какой-то «унии».

Империя в том смысле, в каком я говорю сейчас о России, с момента присоединения Казанского царства и кончая установлением русского верховенства над Хивой и Бухарой в 1873 г., есть понятие историко-социологическое. Трудно и сейчас определить юридическую природу Британской Империи, но не может подлежать сомнению, что Великобритания уже давно с историко-социологической точки зрения представляла империю. Такой же империей уже со второй половины XVI в. являлось и Российское государство.

Рядом с процессом сложения огромной, многоплеменной и многокультурной Российской империи происходил и процесс скрепления и сплочения этой империи цементом преобладающей национальности, русской, давно уже переросшей племенные рамки, великорусского племени».

Скажем сразу: в этих рассуждениях Струве много архаичного. Нынешняя наука довольно далеко ушла от подобного понимания темы государства (правда, не наша наука, а западная...). Тем не менее попробуем увидеть, обнаружить в этой позиции, в этом способе осмысления то, что не только не устарело, но и является принципиально важным для дня сегодняшнего.

Струве связывает «государство» с «национальным». И это правильный ход. Ведь в *political science* термины «state» и «nation-state» практически синонимы. Правда, у Петра Бернгардовича основная и даже преимущественная коннотация «nation» – этнически-территориальная, у современных исследователей она – второстепенная, хотя и важная. У них «nation» в первую очередь – «общество», «гражданское общество», этнос, организованный в *civil society*, «полисубъектный социум». В принципе, если судить и по этой работе, и по всему творчеству в целом, Струве шел к такому пониманию и в значительной степени достиг его. Но не до конца.

Весь вопрос в том, почему не до конца. Не сумел, не смог или... Или что-то «субстанциальное» не пустило, остановило?

Уверен: именно «субстанциальное». Он, подобно ряду других русских мыслителей и ученых, далеко не случайно не усвоил себе на все сто процентов *modern*-науку. Струве был современником Леона Дюги, сформулировавшего концепцию *nation-state*. Вне всякого сомнения, имя и идеи этого великого французского государствоведа и конституционалиста были ему известны; наверняка, Петр Бернгардович читал его работы. Как, впрочем, многих иных западных классиков XIX столетия.

Имя этому «субстанциальному» – Россия. «Русский материал» сопротив-

ляется (сопромат) modern-науке. Русский гений всегда немного (больше – меньше) несовременен, архаичен, провинциален. (С западной точки зрения, с точки зрения Modernity.) И в этом залог, неперенное условие адекватности русской психеи, русской энтелехии. Нет, нет, это не очередная попытка «пославянофильствовать», не очередной опыт «самобытничества». Это лишь – констатация...

Конечно же, Струве не мог встать на позицию Леона Дюги. В России XVI–XVII столетий он обнаружил два по содержанию и смыслу противоположных друг другу процесса властеобразования. Nation-state возник в Европе в XVI–XVII–XVIII вв. Как результат, следствие, продукт разложения феодализма (в том числе и Священной Римской империи германских народов) и Великой капиталистической революции. Затем в XIX столетии некоторые «национальные государства» становятся колониальными империями. При этом они не только не перестают быть «nation-state», но и совершенствуются в этом. После отпадения колоний эти страны по-прежнему сохраняются как «национальные государства». У нас в те же самые исторические эпохи каждый шаг власти в сторону «национально-целостного государства» был одновременно движением по направлению к империи, имперскому устройству. Струве говорит о двух процессах, «тесно между собой связанных и в то же время в известной мере и известном смысле расходящихся». На самом деле это был один процесс. Но чтобы понять генезис Русской Власти как один процесс, необходимо пользоваться совершенно определенной методологией исторического познания. Петр Бернгардович ее не имел и иметь не мог. Не приспели еще тогда сроки. Его величайшая заслуга состоит в том, что он указал на принципиальное отличие формирования Русской Власти от «nation-state».

* * *

Таковы, вкратце, некоторые наработки русской политической мысли, могущие пригодиться для встающей на ноги, поднимающейся русской политической науки. Конечно, многое – по причине нехватки места – осталось вне нашего внимания. Однако и приведенного, на мой взгляд, достаточно для того, чтобы отечественные политологи убедились: в России XIX – начале XX вв. было продумано и сказано немало полезного и для их сегодняшних профессиональных нужд.